

Худолеев Алексей Николаевич

УЕЗДНЫЙ ГОРОД КУЗНЕЦК В РАБОТАХ Н. А. КОСТРОВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1860-Х - 1870-Е ГГ.)

В данной статье рассматривается проблема освещения истории г. Кузнецка в работах томского чиновника Николая Алексеевича Кострова, публиковавшихся на страницах "Томских губернских ведомостей" во второй половине 1860-х -1870-е гг. Анализируются подходы Н. А. Кострова к исследованию истории г. Кузнецка, оценивается репрезентативность источниковой базы. Автор обосновывает положение, что историко-краеведческие статьи Н. А. Кострова заложили солидный фундамент для последующего изучения истории г. Кузнецка на рубеже XIX-XX веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/4/62.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(78) С. 210-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(57)

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается проблема освещения истории г. Кузнецка в работах томского чиновника Николая Алексеевича Кострова, публиковавшихся на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине 1860-х – 1870-е гг. Анализируются подходы Н. А. Кострова к исследованию истории г. Кузнецка, оценивается репрезентативность источниковой базы. Автор обосновывает положение, что историко-краеведческие статьи Н. А. Кострова заложили солидный фундамент для последующего изучения истории г. Кузнецка на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова и фразы: историческое краеведение; сибиреведение; Томская губерния; Кузнецкий уезд; Кузнецкий острог; Н. А. Костров; Томские губернские ведомости.

Худолеев Алексей Николаевич, д.и.н., доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

khudoleev73@mail.ru

**УЕЗДНЫЙ ГОРОД КУЗНЕЦК В РАБОТАХ Н. А. КОСТРОВА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1860-Х – 1870-Е ГГ.)**

Появление в 1857 году «Томских губернских ведомостей» стимулировало развитие краеведческой проблематики. Уже в конце 1850-х годов на страницах этого печатного органа стали публиковаться работы, посвященные истории Кузнецкого уезда и его центра – г. Кузнецка [17]. Не угасал интерес к истории Кузнецкого края и на протяжении 1860-х – 1870-х годов.

В данный период значительный вклад в описание г. Кузнецка, изучение его истории и статистики внес томский чиновник Николай Алексеевич Костров. Н. А. Костров происходил из княжеского рода Костровых, что позволяло ему подписывать свои работы «Князь Н. Костров». По сведениям П. В. Долгорукова, предок Николая Алексеевича, мурза Казанского ханства, в 1550 году перешел на русскую службу и получил от Ивана IV разрешение именоваться князем Костровым. Новоиспеченный русский подданный отличился в 1552 году при штурме Казани, где командовал мусульманским отрядом, состоявшим на службе у московского царя [1, с. 24-25]. Сам Н. А. Костров родился в 1823 году, окончил юридический факультет Московского университета. В 1846 году занял должность чиновника особых поручений при енисейском губернаторе В. К. Падалке, как оказалось, навсегда связав свою жизнь и деятельность с сибирским регионом. В 1855 году Н. А. Костров был назначен минусинским окружным начальником. В 1861 году переехал в г. Томск, где первоначально являлся комиссионером по казенным соляным операциям, а с 1866 года вплоть до своей смерти, последовавшей в 1881 году, работал в должности секретаря Томского губернского статистического комитета [12, с. 321].

В середине 1860-х гг. Кузнецк оставался единственным городом Кузнецкого уезда. Это обстоятельство обратило на себя внимание Н. А. Кострова, решившего собрать о нем исторические сведения и материалы. Большим подспорьем в этом деле стали «Акты исторические» – сборники архивных документов, опубликованные в 1841-1842 годах под эгидой Императорской археографической комиссии. Опираясь на них, Н. А. Костров дал подробный анализ царских грамот XVII века, касавшихся устройства управления и быта Кузнецкого острога [9; 10]. Так, для описания пошлинных сборов, условий распространения государственной пашни и принципов контроля над пивоварением и медоварением использовался «Наказ» кузнецкому воеводе Ф. И. Голенищеву-Кутузову [13].

На протяжении всего XVII века злободневной оставалась проблема отношений с инородцами. Во-первых, необходимо было оберегать ясачное население от воинственных кочевых соседей. Как выяснил Н. А. Костров, московское правительство, с одной стороны, старалось установить с некоторыми из них дружеские отношения, например с калмыками [18; 22]. С другой стороны, предпринимало военные экспедиции против наиболее агрессивных соседей. Самыми беспокойными были киргизы. Один из таких походов был намечен на 1683 год, поскольку «изменники киргизские люди войной приходят и русских всяких чинов людей побивают, и села, и слободы, и деревни, и хлеб на полях, и сено жгут, а ясачным людям... ясаку платить не велят...» [21, с. 165]. Во-вторых, актуальной оставалась задача расширения ореола ясачного подданства посредством включения в его орбиту нового инородческого населения [19].

Под постоянной военной угрозой Кузнецкий край находился вплоть до конца XVIII века. Например, в отчете чиновника Енисейской губернии И. С. Пестова содержится описание любопытного эпизода, относящегося к 1775 году. Находившийся в Кузнецке секунд-майор Тарасов подал в Кузнецкую воеводскую канцелярию бумагу, где сообщил, что башлык Кышим Жичасков через толмача дал знать каптенармусу Глаголеву, служившему на Кузнецком форпосте, что у границ Канской волости стоит двухтысячный китайский отряд. У Телецкого озера стоит еще один отряд китайцев численностью в 70 тыс. человек и готовится к нападению. Это известие, оказавшееся в итоге ложным, вызвало большую тревогу. Форпосты стали готовиться к обороне. Руководителям различного ранга строго предписывалось, чтобы «каждый имел недремлемую осторожность, как обыватели, так и казаки... и буде кто что заметил, давал знать другим, а те ему со всевозможную поспешностью сикурсировали, чтобы каждый имел ружье, порох, свинец, и другие орудия, у кого какие есть, а свинца и пороха не было отпущено» [14, с. 280].

Значительным событием для провинциального Кузнецка, удаленного от магистральных путей, стало посещение города в июле 1868 года молодым великим князем Владимиром Александровичем, совершавшим путешествие по Томской губернии. Н. А. Костров сопровождал великого князя, за что получил от Владимира Александровича в подарок золотые часы и цепочку [23, с. 163]. К сожалению, в опубликованных в «Томских губернских ведомостях» отчетах об этой поездке Н. А. Костров не оставил сведений о том, что заинтересовало великого князя в Кузнецке, что он осматривал, где побывал. Однако Николай Алексеевич дал небольшую историческую справку о причинах появления Кузнецкого острога.

Исходной точкой, по его мнению, стало основание в 1604 году г. Томска, откуда казаки, двигаясь на юг, старались распространить ясачную повинность, в том числе и на кузнецких татар. Первая такая безуспешная попытка датировалась 1607 годом, и вплоть до 1617 года ясачные походы предпринимались томскими казаками с разной степенью успешности почти каждый год. По сведениям Н. А. Кострова, еще в 1610 году атаман Иван Павлов отправился на Кузнецкую землю с отрядом в сорок человек с целью выбрать удобное место и укрепиться в нем «от нечаянного нападения» [11, с. 10]. Но выполнить задание не удалось, так как отряд оказался в изоляции. Местные татары не нападали, однако отказались снабжать казаков продовольствием. Только в 1618 году в устье реки Кондомы удалось поставить острог. Причем «местоположение Кузнецкого острога было не из самых удобных. Он выстроен был на краю берега под весьма высокой и крутой горой, а о постройке на этой горе крепости для защиты острога тогда никто не думал...» [Там же]. Н. А. Костров подчеркивал, что статус города Кузнецк получил уже в 1622 году, но в официальных документах, по привычке, он еще долгое время именовался острогом.

Работая над статьей, посвященной образованию Томской губернии, Николай Алексеевич привел интересные сведения из Томского губернского архива, касавшиеся состояния Кузнецка на 1804 год. В это время в Кузнецке «было две церкви – каменная и деревянная, казенных зданий 12, питейных домов 3, обывательских 363. Жителей считалось 2113 д. обоего пола, из которых купцов было 48 д. м.п. и 51 ж.п.; мещан 470 м.п., 455 ж.п. Купцы торгуют большей частью мягкой рухлядью, лошадьми, получаемыми от сагайских татар, и мелкими товарами, приобретаемыми на Ирбитской ярмарке. Только у одного мещанина Чеботкова есть небольшое кожевенное и мыловаренное заведение, но оно служит единственно для собственного его пропитания, при самой ничтожной продаже на сторону» [8, с. 7].

Любопытно сравнить уровень развития Кузнецка в начале XIX века с его состоянием во второй половине XVIII века. Сведения об этом оставил шведский путешественник Иоганн Фальк, посетивший город в 1771 году. Он увидел три деревянные церкви и 583 плохих деревянных дома, расположенных на неправильных и немощеных улицах. На рынке «находятся 40 деревянных лавок. В оном году было в нем жителей 1530 душ мужского и 1629 женского пола, и гарнизона, состоявшего из 2 эскадронов драгун... Главный здесь промысел есть сельское хозяйство и большая часть жителей должна, по примеру прочих поселян, зарабатывать подушные подати на барнаульских заводах... Съестные припасы в Кузнецке дешевы. Иностранные товары, касающиеся до одежды, вина и проч. не всегда можно достать, да и мало покупаются, а кому они надобны, тот покупает их в Томске» [16, с. 528, 529].

Накопленный материал позволил Н. А. Кострову подготовить обширный очерк по истории Кузнецка, опубликованный в нескольких номерах «Томских губернских ведомостей» в конце 1879 – начале 1880 года. Актуализировалась работа тем, что этот «ныне незначительный город Томской губернии» является самым старым на Алтае и много лет был аванпостом русской колонизации здесь [2, с. 3]. Активно используя архивные документы, опубликованные в сборниках Императорской археографической комиссии, Н. А. Костров отмечал, что первыми жителями Кузнецка были томские служилые люди. Затем к ним присоединились пашенные крестьяне, литовские казаки и ссыльные. В 1635 году Кузнецку был пожалован герб с изображением волка [3, с. 5].

Воеводы, назначаемые в XVII веке в сибирские города сначала приказом Казанского дворца, а затем Сибирским приказом, утверждались царем. На путь из Москвы до места назначения воеводы получали подорожную и прогоны. Их размер зависел от удаленности территории. Так, на проезд до Якутска назначалось 30 подвод, илимскому воеводе – 17, мангазейскому – 14, тобольскому, томскому, березовскому, тарскому, сургутскому – 13, пельемскому, кетскому, красноярскому, енисейскому, нарымскому – 12 подвод [20, с. 37]. Сколько подвод должен был получить кузнецкий воевода, Н. А. Кострову установить не удалось. Но, по его мнению, их количество не должно было превышать назначенного для кетского и нарымского воевод [4, с. 5].

Главным делопроизводственным органом Кузнецка в XVII веке была Съезжая изба. Там же находилась городская тюрьма. В городе существовала также Таможенная застава. Количество служилых людей в Кузнецке было незначительным. Так, в 1655 году их численность составляла 187 человек. В 1708 году Кузнецк был приписан к Сибирской губернии; в 1726 году к Тобольской провинции; в 1783 году к Колыванской губернии; в 1804 году к Томской губернии [5, с. 5].

Н. А. Костров сообщал интересную информацию о быте жителей Кузнецка. Каменное строительство началось в городе только во второй половине XVIII века. Первыми каменными зданиями стали Одигитриевская церковь и дом купца И. Д. Муратова [15, с. 89]. До начала XIX века только зажиточные обыватели мужского пола могли позволить себе носить нанковые (хлопчатобумажные) и суконные сюртуки, а женского – ситцевые, шелковые юбки и длинные шушуну (кофты). Повседневная же рядовая мужская одежда состояла из халата и зипуна; женская – из холщовых юбок и шушуну. Кожаные сапоги считались элитной обувью. В ходу были

ичиги (легкая обувь в форме сапога) и чарки (башмаки). В 1803 году поручик Сорокин удивил кузнечан шинелью с капюшоном. Мальчики «бегали за ним по улицам и кричали, что он надел бабий шушун» [6, с. 3].

В заключение Н. А. Костров привел статистические данные о Кузнецке на момент написания очерка. В 1877 году в Кузнецке проживало 3051 человек: 1626 мужчин и 1425 женщин. Насчитывалось 408 дворовых мест и 505 жилых строений, из которых 8 было каменных (4 церкви), 497 – деревянных (2 часовни). Город оставался слабым в промышленном отношении. Имелось 7 небольших заводов: 2 кирпичных, 1 кожевенный, 3 мыловаренных, 1 свечной. Ярмарок в Кузнецке «не существует; базары бывают каждую неделю, но съезд на них незначителен; привозятся, обыкновенно, съестные припасы... ремесленность развита здесь очень мало и служит только для удовлетворения местных потребностей, не распространяясь за черту города» [7, с. 5].

Таким образом, работы Н. А. Кострова существенно продвинули исследование истории г. Кузнецка и заложили солидный фундамент для последующего изучения прошлого города на рубеже XIX-XX веков. Благодаря статьям Н. А. Кострова сибирская общественность получила возможность ознакомиться с малоизвестными отечественными архивными документами и делопроизводственными материалами XVII века.

Список источников

1. Долгоруков П. В. Российская родословная книга: в 4-х ч. СПб.: Типография Э. Веймара, 1856. Ч. III. 523 с.
2. Костров Н. А. Город Кузнецк (историко-статистический очерк) // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1879. № 39. 6 октября. С. 3-4.
3. Костров Н. А. Город Кузнецк (историко-статистический очерк) // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1879. № 40. 13 октября.
4. Костров Н. А. Город Кузнецк (историко-статистический очерк) // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1879. № 42. 27 октября. С. 5-6.
5. Костров Н. А. Город Кузнецк (историко-статистический очерк) // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1879. № 45. 17 ноября.
6. Костров Н. А. Город Кузнецк (историко-статистический очерк) // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1879. № 49. 15 декабря.
7. Костров Н. А. Город Кузнецк (историко-статистический очерк) // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1880. № 3. 19 января.
8. Костров Н. А. Города Томской губернии в 1804 и 1805 годах // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1869. № 43. 31 октября. С. 6-7.
9. Костров Н. А. Заметки для истории г. Кузнецка // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1867. № 35. 8 сентября. С. 5-6.
10. Костров Н. А. Заметки для истории г. Кузнецка // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1867. № 36. 15 сентября. С. 6-7.
11. Костров Н. А. Путешествие по Томской губернии Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 г. // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1868. № 43. 1 ноября. С. 10-11.
12. Мичатек Н. Костров Николай Алексеевич // Русский биографический словарь / издан под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А. А. Половцова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. Т. IX.
13. Наказ кузнецкому воеводе Голенишеву-Кутузову № 135 от июня-августа 1625 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Т. III. 1613-1645. С. 217-224.
14. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М.: Университетская типография, 1833. 305 с.
15. Тресвятский Л. А. Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2013. 267 с.
16. Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемые Императорской академией наук, по предложению ее президента. С прим., изъяс. и допол. СПб.: Императорская академия наук, 1824. Т. 6. С. 3-546.
17. Худолеев А. Н. Уездный город Кузнецк на страницах «Томских губернских ведомостей» (вторая половина 1850-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 188-190.
18. Царская грамота кузнецкому воеводе Афанасию Сытину о предосторожностях от набегов на Кузнецкий острог белых калмыков № 17 от 16 декабря 1646 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. IV. 1645-1676. С. 48-49.
19. Царская грамота кузнецкому воеводе Баскакову о принятии мер к приведению в ясное подданство саянских калмыков № 46 от 15 февраля 1651 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. IV. 1645-1676. С. 148-149.
20. Царская грамота кузнецкому воеводе Ивану Давыдову о том, чтобы воеводам, дьякам и другим чиновникам, едущим в Сибирь или из Сибири, давать указанное число лошадей по одним Московским подорожным, а лицам духовного звания не отпускать ямских подвод № 25 от 30 августа 1678 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. V. 1676-1700. С. 36-39.

21. Царская грамота кузнецкому воеводе Петру Дубровскому и роспись томских служилых людей о том, какими местами и в какое время идти войной на киргиз, живущих по рекам Абакану, Уйбату и Упсе № 104 от 27 марта 1683 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. V. 1676-1700. С. 165-167.
22. Царская грамота кузнецкому воеводе Сыгину о переговорах с черными калмыками, чтобы они не чинили набегов и грабежей в ясачных волостях № 26 от 30 августа 1648 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. IV. 1645-1676. С. 59-60.
23. Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857-1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Томский государственный университет, 2012. 414 с.

PROVINCIAL TOWN KUZNETSK IN N. A. KOSTROV'S WORKS (THE SECOND HALF OF THE 1860S – THE 1870S)

Khudoleev Aleksei Nikolaevich, Doctor in History, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
khudoleev73@mail.ru

The article examines the problem of representing Kuznetsk's history in works by Tomsk official Nikolai Alekseevich Kostrov published in the pages of "Tomsk Provincial Bulletin" in the second half of the 1860s – the 1870s. The paper analyzes N. A. Kostrov's approaches to studying Kuznetsk's history, evaluates representativeness of the sources. The researcher justifies a conclusion that N. A. Kostrov's historical and ethnographical papers laid the firm basis for further studies of Kuznetsk's history at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words and phrases: historical ethnography; Siberia studies; Tomsk province; Kuznetsk district; Kuznetsk fortress; N. A. Kostrov; Tomsk Provincial Bulletin.

УДК 13(130.2)

Философские науки

В статье рассмотрен числовой символизм античной мифологии на примере эпических поэм Гесиода и Гомера. Числа-символы рассматриваются как модели, порождающие бесконечный ряд событий и указывающие на степень их «полноты» и реализованности в мифологическом времени и пространстве. Показано, что число как символ является мостом между видимой количественной характеристикой события и внутренним его культурным содержанием, которое интуитивно подразумевается в смысловом коде культуры.

Ключевые слова и фразы: античность; Гесиод; Гомер; культура; математика; мифология; Пифагор; Платон; символ; число.

Чельшев Павел Валентинович, д. филос. н., профессор

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва
Simeon5@rambler.ru

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМ ГЕСИОДА И ГОМЕРА

Символ всегда «указывает не на самого себя, но на нечто иное, чем сам он не является» [8, с. 198], он есть мост, соединяющий видимую (эмпирическую) и невидимую (духовную) реальности. Числовая символика в мифе выполняет аналогичную функцию, но только более строгим рациональным образом, раскрывая через количественные характеристики внутренние свойства и качества различных событий. Задача статьи будет состоять в том, чтобы проанализировать особенности числовой символики в античной мифологии на примере эпических поэм Гесиода и Гомера. Числа-символы будут рассматриваться как некие модели и общности, разлагаемые в беспредельный ряд, как функции, порождающие бесконечные переменные [Там же, с. 208-209].

Известно, что над воротами платоновской Академии была написана фраза: «Не знающий геометрии да не войдет сюда». Перефразируя это высказывание, можно было бы сказать, что человек, не знающий математики, не поймет до конца античную мифологию и культуру. О. Шпенглер полагал, что число всегда выражает определенное мироощущение народа, которое для той или иной культуры самоочевидно и не требует логического обоснования. Поэтому каждая культура порождала свою собственную математику [13, с. 201-247].

Имела такую математику и античность, которая знала числовой ряд от единицы до девяти. Так как число девять завершало числовой ряд, то оно рассматривалось в качестве его предела. Позднее пифагорейцы девятку называли «пределом всех чисел». Но в этом числе все же есть определенная неполнота, незавершенность и недостаточность. Поэтому восьмерка имела статус «сугубой недостаточности», а десятка в этом контексте, наоборот, приобретала противоположное значение и становилась числом «абсолютной полноты».